

В рамках неклассической парадигмы четче прописывается идея анонимности власти, поскольку обнаруживается тот факт, что сам субъект является продуктом игры различных ее сил, проявляющихся в процессе социализации. Кроме того, поскольку человеческая субъективность не рассматривается как «чистая», познающая инстанция, находящаяся вне каких-либо систем отсчета и способная к усмотрению абсолютной истины, постольку в своих глубинных основаниях власть не доступна рациональному познанию.

Для современной социальной теории заметной является тенденция не связывать феномен власти с конкретным ее обладателем – человеком, институтом и т. д. Все социальные явления пронизаны ею (идея «полей» П. Бурдье, «социальные практики» М. Фуко, идея Х. Ортеги-и-Гасет о существовании нескольких сил «духовной власти» в обществе<sup>7</sup>, семиотические теории Ю.М. Лотмана и Р. Барта). Под сомнение ставится суверенность «сознания» и «субъективности» и традиционный подход, согласно которому в центре внимания оказывались познание, деятельность индивида, но в то же время телесные и языковые практики оставались в стороне.

Таким образом, для неклассического типа рациональности характерным является отказ от жесткого противопоставления субъекта и объекта, внутреннего и внешнего, от признания единого центра концентрации власти в лице государственных, социальных институтов либо человека. Было актуализировано исследование таких измерений власти, как ее связь с языком, литературой, знанием и в целом с процессом социализации. Отдельным направлением анализа становятся формы и методы принуждения, осуществляемые помимо сознания человека.

<sup>1</sup> См.: Степин В. С. Философская антропология и философия науки. М., 1992; Мамардашвили М. К. Классический и неклассический идеалы рациональности. М., 1994.

<sup>2</sup> Мамардашвили М. К., Соловьев Э. Ю., Швырев В. С. Классика и современность: две эпохи в развитии буржуазной философии // Философия и наука. М., 1972. С. 28–95.

<sup>3</sup> Лиотар Ж. Ф. Состояние постмодерна. М., СПб., 1998. С. 14.

<sup>4</sup> См.: Швырев В. С. Рациональность в спектре ее возможностей // Исторические типы рациональности. М., 1995. Т. 1. С. 97–120; Швырев В. С. Проблемы философии образования и современная неклассическая рациональность // Мир психологии. 1999. № 3. С. 189–205.

<sup>5</sup> См.: Тоффлер Э. Метаморфозы власти: знание, богатство и сила на пороге XXI века. М., 2002.

<sup>6</sup> См.: Бурдье П. Символическое пространство и символическая власть // Начала. М., 1994.

<sup>7</sup> См.: Ortega y Gasset J. Misión de la Universidad y otros ensayos sobre educación y pedagogía. Madrid, 1999; Ortega y Gasset J. Sobre el poder de la Prensa / <http://www.piedraverde.com/ortega/textos/oygmisi.htm>

Поступила в редакцию 02.06.2003.

**Марина Николаевна Голубева** – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор Я.С. Яскевич.

О.Г. ШАВРОВА

## ФЕНОМЕН КУЛЬТУРНОЙ ТРАДИЦИИ В ФИЛОСОФСКОЙ ГЕРМЕНЕВТИКЕ Г.-Г. ГАДАМЕРА И П. РИКЕРА (ОПЫТ СИТУАТИВНО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА)

Предлагается анализ концепций культурной традиции представителей современной философской герменевтики Г.-Г. Гадамера и П. Рикера. Обосновывается методология исследования процессов и явлений социокультурной жизни.

The paper analyses of the concepts of cultural tradition by Gadamer and Ricoeur, representatives of modern Philosophical Hermeneutics. The author substantiates the methodology of learning processes and phenomena of social and cultural life.

Глобализационные процессы, являющиеся сущностной характеристикой современного мира, обостряют значимость как сохранения многообразия уникальных культурных традиций, так и их взаимопроникновения и взаимо-

влияния. В этих условиях особое значение приобретает ряд проблем, связанных с необходимостью установления коммуникации, понимания, диалога. К этой проблематике обращается одно из ведущих направлений современной западной философии – герменевтика, которая исторически складывается, начиная с античности, как искусство и способ толкования текстов (религиозных, художественных, правовых), а в XX в. выходит на новый уровень, приобретая онтологические, социально-философские функции. Анализ основных характеристик феномена культурной традиции в контексте учений наиболее авторитетных мыслителей этого направления Гадамера и Рикера позволяет зафиксировать имманентную логику герменевтики в ее современной версии, имеющей определенный потенциал в исследовании коммуникативных процессов.

Экспликация гадамеровской концепции традиции осуществляется в контексте реализованной в его герменевтике онтологизации понимания, а также рассмотрения предструктуры последнего. Здесь особое значение приобретает трактовка понимания как опыта, основанная на убеждении в том, что действительность не только познается, но и практически испытывается человеком в процессе его жизнедеятельности. Именно поэтому важно не познание само по себе, а целостный опыт человеческого существования в мире. В опыте, согласно Гадамеру, человеку открывается истина, но принципиально иначе, чем в науке, а именно понимание им собственной конечности и историчности как определенности своего бытия. Историчность как определяющая характеристика человеческого опыта и есть онтологическая предпосылка укорененности его в традиции. Эти две установки – осознание исторической конечности человека и связанной с этим укорененности в традиции – исходны для гадамеровской универсализации герменевтики, определения ее роли в переосмыслении идеи понимания. Историчность опыта, его укорененность в традиции обуславливают предпосылочность мышления. Такой предпосылкой, с которой всегда начинается мышление, становится «предпонимание», или «предварительное понимание». Так, пытаясь понять какой-либо текст, мы уже имеем некоторое предварительное понимание относительно его содержания, заданное нам той традицией, в рамках которой мы живем и мыслим. Освободиться от этой предпосылки своего мышления невозможно – беспредпосылочного мышления, к которому обращался классический рационализм, подчеркивает Гадамер, не существует вообще.

Положение о небеспредпосылочности мышления он конкретизирует, обращаясь к описанию основного элемента структуры предпонимания – «предрассудку» как дорефлексивному содержанию сознания. С помощью этого понятия Гадамер стремится показать обусловленность рефлексивно-теоретического освоения мира допредикативными формами знакомства с ним. «Самосознание индивида есть лишь вспышка замкнутой цепи исторической жизни. Поэтому предрассудки (Vorurteile) отдельного человека в гораздо большей степени, чем его суждения (Urteile), составляют историческую действительность его бытия». Предрассудки выражают зависимость человека от традиции, невозможность дистанцироваться от нее. И если в представлении просветителей XVII в. традиция и предрассудок получают негативные характеристики, рассматриваются лишь в качестве помех на пути познания истины, то Гадамер относит предрассудок к самому бытию (он – онтологический факт, predeterminedный самой принадлежностью к традиции, представляющей собой необходимое условие возможности понимания как такового) и тем самым – к познанию истины.

Пересматривая отношение к предрассудку, видя в нем неотъемлемую характеристику сознания, Гадамер также переосмысливает и отношение к **авторитету**, формой которого является **традиция**. Авторитет, как он считает, не следует противопоставлять разуму в качестве «неразумия» или «про-

тиворазумия»: нельзя исключать того, что он может быть источником истины, так как в свое время был приобретен путем познания. Сущность авторитета, следовательно, не в слепом подчинении ему, а в признании того, что человек, обладающий авторитетом, превосходит нас: его суждения обладают большим достоинством, чем наши собственные. Авторитету свойственно приказывать, однако этот приказ есть приказ прошлого опыта человека, появившийся как подтверждение его правильности. Приказ авторитета традиции аналогичен приказу времени, поэтому, принимая авторитет, мы устанавливаем подлинное единство с историей, традицией.

Программа «реабилитации авторитета и традиции», включающая пересмотр таких понятий, как «предрассудок» и «авторитет», выступает как основополагающий момент гадамеровской концепции традиции. Традиция описывается им как та реальность, внутри которой находится человек. Следовательно, нельзя понимать ее как прошлое, не имеющее отношения к настоящему. Здесь Гадамер выступает как противник такого отношения к традиции, которое можно обозначить как «музейно-формалистическое», т. е. рассмотрения ее как чего-то статичного и безжизненного, бесконечно удаленного от современности. Традиция, утверждает он, присутствует в современности, вплетена в каждодневный опыт. Это всеобъемлющая сфера, в которой происходит непрерывное опосредование прошлого и настоящего. «Наша повседневная жизнь являет собой непрекращающееся движение через одновременность прошлого и будущего»<sup>2</sup>. Благодаря непрерывности традиции прошлое не образует самостоятельной реальности, внеположенной настоящему, а находится внутри смыслового универсума, охватывающего то и другое в единое целое. «Строго говоря, в рамках философской герменевтики не может идти речи о двух культурных мирах – прошлом и современном; оба они включены в непрерывное свершение традиции, составляют ее необходимые моменты»<sup>3</sup>.

Традиция, обеспечивая связь поколений, устойчивую историческую преемственность, выступает в концепции Гадамера как незаменимый механизм функционирования культуры, специфика действия которого может быть раскрыта при обращении к одной из центральных проблем герменевтики – проблеме интерпретации. Так, главным моментом в процедуре интерпретации у Гадамера является не реконструкция первоначального содержания текста, а соотнесение этого содержания с герменевтической ситуацией интерпретатора. Творческая активная позиция интерпретатора предполагает не простое заимствование авторского смысла текста, переданного традицией, а создание смысла заново. Однако это не дает возможности произвольного отношения к традиции: необходимость актуализации прошлого, «опосредование предания» не означают того, что мы постоянно можем преобразовывать традицию в соответствии с требованиями современности.

Традиция, согласно Гадамеру, объединяет прошлое и современность. Задача этого объединения состоит в том, чтобы «дать бытие для нас тому, что было»<sup>4</sup>. Настоящее и будущее рассматриваются Гадамером в контексте традиции, а создание новых смыслов в процессе интерпретации – это не создание смыслов, ранее неизвестных, а переосмысление уже известных. Активная позиция интерпретатора предусматривает, таким образом, не произвольное переделывание (изменение) традиции, а творчество внутри нее.

Существует, следовательно, некая структура, которая, с одной стороны, ограничивает творческую деятельность человека в культуре, с другой стороны, только она и делает ее возможной. Понимание сущности этой структуры обнаруживается в гадамеровском понятии «опыт». Как уже было установлено, «опыт», согласно Гадамеру, характеризует целостность, универсальность освоения человеком мира. Суть заключается в том, что эта целостность у Гадамера является изначальной, фундаментальной. Описывая сущность опыта, он стремится к выявлению его онтологических характери-

стик, обнаружению неких формальных структур человеческого бытия. Так, опыт в философской герменевтике предстает как нечто себе тождественное и неизменное. И так как именно опыт образует фундамент традиции, следовательно, тождественной и неизменной является традиция. Она предстает как застывшая семантическая конструкция, обозначающая не поступательное движение культурно-исторической реальности, а ее круговращение внутри самой себя. Если гарантом устойчивости социокультурного пространства является, по Гадамеру, не столько наследование опыта, сколько сущностная неизменность его структуры, то традиция оказывается не характеристикой передачи опыта, а его постоянного воспроизводства. Непрерывность культурной традиции обуславливается, таким образом, глубиной, самотождественностью изначального «опыта мира», в силу которого человечество каждый раз заново порождает примерно одни и те же культурные содержания.

Итак, сущность традиции определяется онтологическими характеристиками опыта. Такой характеристикой, описанной выше, является историчность, служащая предпосылкой укорененности в традиции. Наряду с историчностью сущностной характеристикой опыта является его языковость (языковой характер)<sup>5</sup>. Это связано с тем статусом, который придается языку в герменевтике Гадамера. Здесь исходным пунктом для него выступает положение о том, что «все предполагающееся в герменевтике есть только язык»<sup>6</sup>. Именно поэтому в гадамеровской концепции традиции она неразрывно связана с языком, в нем выражается и им в значительной степени обусловлена. Язык у Гадамера становится определяющим условием существования традиции. Ее непрерывность составляют отложившиеся в языке элементы культурного опыта (предрассудки) как дополнительные и дорефлективные формы освоения действительности. Именно эти элементы традиции обеспечивают ее включенность в современность (присутствие в современности).

Понимание традиции, преимущественно языковой, позволяет по-новому рассматривать сущность механизма трансляции ее содержания. Собственно носителем традиции у Гадамера является не индивид, а именно язык, который делает возможным постоянное воспроизводство культурного опыта. В силу языковой детерминации индивиду в его концепции вообще нет места (он – рефлекс языка). Онтологизация языка приводит к представлению о самоизменяемости языковой традиции, а позиция субъекта как ее носителя, тем более активная позиция, стирается вообще. В этом смысле В.С. Малахов отмечает, что то место, которое в классических системах философского рационализма занимали разум и субъект, у Гадамера занимает Язык<sup>7</sup>. В гадамеровском проекте герменевтики как языковой онтологии традиция является как условием понимания, так и универсальной средой его развертывания. Основой понимания выступает в данном случае не человеческая субъективность, а то, в чем сам субъект укоренен и без чего не существует, – сама традиция. Понимание принадлежит традиции, причастно ей, и в этой причастности состоит главное условие его осуществления.

Значение концепции Гадамера определяется прежде всего присутствием в его герменевтике именно проблематизации традиции, стремлением осмыслить сущность этого феномена. Хотя усилия, предпринятые философom по отстаиванию значения и важности традиции в общественной и социокультурной жизни, зачастую воспринимались как свидетельство приверженности консервативным взглядам, доказательство устойчивой неприязни по отношению к прогрессу и преобразованиям. В ходе многочисленных дискуссий, вызванных его идеями, высказывались замечания о некритическом отношении Гадамера к традиции, отмечалась, например, способность человека как принимать, так и отвергать сложившиеся ценности, предлага-

лось отслеживать генезис смысловых систем и фиксировать смены в самой традиции.

Особый взгляд на эту проблему был предложен Рикером. Основанная на теории социального действия и исследовании повествовательной функции культуры, его концепция традиции осуществляет в герменевтике сдвиг с анализа культуры как застывшей семантической конструкции к более активизированному типу социальной реальности. Традиция у Рикера – механизм, выполняющий функцию регуляции социального действия. Содержательная ее сторона определяется языковой структурой коммуникации и передачи предания. Благодаря языку конституируется значение действия, символически опосредуется существование человека, его понимание. Содержание традиции, таким образом, составляют смысловые структуры, опосредующие социальное действие.

Рикер выстраивает свою философию социального действия, опираясь на модель философии текста, совершая переход «от герменевтики текста к герменевтике социального действия». Если вслед за М. Вебером, считает он, определить предмет гуманитарных наук как исследование поведения, ориентированного на определенные смыслы, то в этом случае поведение можно анализировать подобно тому, как анализируется текст: в том и другом случае имеет место смысловая деятельность, характеристики которой во многом являются схожими. Подобно тому как при истолковании текста необходимо прояснить смысловую структуру, точно так же и анализ человеческой деятельности, осуществляемой в герменевтической интерпретации, имеет своей целью обнаружить смысловые структуры человеческой жизнедеятельности.

Задача герменевтического анализа литературного произведения, по Рикеру, заключается в том, чтобы «реконструировать совокупность операций, с помощью которых произведение пробивается к непроницаемым глубинам жизни, действия и страдания, чтобы автор мог затем передать его читателю, воспринимающему произведение и благодаря этому изменяющему свою деятельность»<sup>8</sup>. Процесс интерпретации он описывает как «спиралевидный», говоря об интерпретации как герменевтической дуге. Она берет начало в жизни, проходит через литературное (или историческое) произведение и его читателя и возвращается в жизнь. Так он описывает этапы герменевтического понимания, имеющего цель воссоздания непрерывного духовного опыта человечества, приобщение каждого нового поколения людей к культуре прошлого и передачу ее будущим поколениям.

К проблеме инновации Рикер подходит, обращаясь к исследованию метафорических выражений и повествовательных интриг. В случае метафоры инновация состоит в создании нового, необычного семантического соответствия путем присвоения логическому субъекту ранее не соединимых с ним предикатов. В случае повествования семантическая инновация заключается в придумывании интриги, которая также является результатом синтеза разнородного: посредством интриги цели, причины, случайности сопрягаются во временном единстве целостного, завершенного действия. Возникновение семантической инновации на уровне фразы (метафора как новое предикативное соответствие) и на уровне протяженного дискурса (повествование как новое соответствие в строе событий) является проявлением творческой природы языка и основывается на действии «продуктивного воображения». Оно связано с парадигмами традиции, которые представляют собой своего рода грамматику, устанавливающую правила для композиции новых произведений. Отношения с этими парадигмами могут складываться различным образом, их диапазон имеет два полюса: с одной стороны, «крайское следование традиции», с другой – «обдуманное отклонение от ее пути». Традиция, следовательно, определяет вектор инновационной деятельности, предусматривая отклонения, отступления от своей парадигмы, которые, постепенно войдя в ее содержание, сами могут стать правилом.

Концепция Рикера допускает возможность изменения традиции, сдвига значений в передаваемых содержаниях. И если доминирующим у Гадамера является представление о содержательной неизменности традиции, то ее понимание Рикером предполагает необходимость существования мощной инновационной составляющей, сочетания традиционных и инновационно-ориентированных форм деятельности. Детерминируя настоящее и будущее прошлым, традиция в герменевтике Гадамера выступает как некое постоянство, лежащее в основе всех изменений в культуре. Именно поэтому новаторство оказывается возможным только лишь внутри имеющейся традиции и все новое требует с ней согласования. Кроме того, гадамеровская традиция для своего существования не нуждается в субъективном обеспечении, она как источник современных «предрассудков» представляет собой глубокий пласт современного сознания и тем самым сама задает направление основных усилий по ее интерпретации. Рикер же акцентирует внимание на эвристической деятельности субъекта, на первый план у него выходит проблема человека как субъекта интерпретации и истолкования как преимущественного способа включения индивида в целостный контекст культуры.

Здесь у Рикера намечается выход в практическую плоскость, столкновение с такими жизненными реалиями, которых ранее герменевтика не касалась (насилие и зло, этика и политика, способность совершать поступки и быть ответственным и др.). В связи с этим особое значение приобретает такой сущностный аспект в понимании традиции, как идея ответственности, морального долга по отношению к истории, прошлому. Говоря о том, что каждому из исторических сообществ присущи свои традиционные рассказы, складывающиеся из народных, литературных и исторических, в совокупности составляющих повествовательную основу культуры народа, Рикер отмечает необходимость поддержания постоянного «диалога традиций», «обмена памятью в духе сострадания», сопоставления традиций своей культуры с традициями других народов<sup>9</sup>.

Наиболее остро эта необходимость осознается в контексте современных глобализационных процессов, которые свидетельствуют о колоссальном прогрессе во всех областях жизни, но в то же время ставят сложнейшую задачу адаптирования культурного наследия к этому новому состоянию и его сохранения. Отмечая противоречивый характер «универсальной мировой цивилизации», развитие которой сопровождается, с одной стороны, повышением жизненного уровня населения, с другой – ощутимым разрушением традиционных культур, Рикер обосновывает идею плодотворного диалога неповторимо-уникальных этнонациональных традиций, способного выступить в качестве основы не только цивилизационной стабильности человечества, но и его культурно-эволюционного потенциала<sup>10</sup>.

Такая направленность на осмысление современных процессов, а также способность переводить теоретические разработки в практическую плоскость является одной из особенностей герменевтики, которая всегда была вплетена в живую ткань социальной деятельности людей. Важнейшие этапы развития герменевтического метода, как правило, совпадали по времени и были существенно связаны с крупнейшими историческими событиями, определялись потребностью решения актуальных задач. В мире переизбытка информации, схем и концептуализаций герменевтика сосредоточивает свое внимание на феноменах понимания, рассматривающихся как сущностные основания бытия человека, конституирующие смысл его жизни и деятельности в конкретных ситуациях и событиях, личностных актах или межличностных отношениях.

Само понимание рассматривается Гадамером не как форма познания (сопоставимая, например, с объяснением), а как специфически человеческое отношение к миру. В связи с этим философская герменевтика – «учение и понимание» – трактуется не как метод, теория познания, а как особая

мыслительная практика, которая конституируется в качестве деятельности по освоению традиции. Понимание какого-либо явления, процесса современной жизни предполагает, следовательно, прояснение истоков, истории, генезиса. Рикер же необходимость разработки герменевтического метода связывает с установлением четких границ между настоящим и прошлым, подчеркивая несводимость синхронии к диахронии. Дилемма «понимание – объяснение» разрешается в его герменевтике через посредника, которым выступает человек, человеческая реальность. Гносеологическая эффективность герменевтического метода демонстрируется здесь при обращении к субъективной деятельности, исследование которой имеет, по Рикеру, объективную значимость для познания культуры.

Анализ основных характеристик культурной традиции на основе положений современной философской герменевтики, предполагающий выделение особого типа проблемного поля, а также его интерпретацию, создает возможности выработки продуктивной методологии осмысления процесса коммуникации. Учет внутренней логики развития герменевтических идей позволяет рассматривать этот процесс в единстве историко-генетического и социально-функционального измерений: коммуникации как диалога с историей, осуществляющегося благодаря непрерывности традиции, а также как формы активного взаимодействия и взаимопонимания субъектов внутри данной традиции, шире – полифонии и полилога различных культурных традиций.

<sup>1</sup> Гадамер Х.-Г. Истина и метод. М., 1988. С. 329.

<sup>2</sup> Гадамер Г.-Г. Актуальность прекрасного: Сб. пер. М., 1991. С. 273.

<sup>3</sup> Малахов В.С. Концепция исторического понимания Г.-Г. Гадамера // Историко-философский ежегодник – 87. М., 1987. С. 159.

<sup>4</sup> Гадамер Г.-Г. Указ. пр. 1991. С. 319.

<sup>5</sup> См.: Stelmach J. Die hermeneutische Auffassung der Rechtsphilosophie. 1991. S. 37.

<sup>6</sup> Gadamer H.-G. Kleine Schriften. Tübingen, 1960. Bd. 3. S. 129–130.

<sup>7</sup> См.: Малахов В.С. Философская герменевтика Ганса Георга Гадамера // Гадамер Г.-Г. Указ. пр. М., 1991. С. 331.

<sup>8</sup> Рикер П. Время и рассказ: В 2 т. Т. 1. Интрига и исторический рассказ. М., СПб., 1998. С. 66.

<sup>9</sup> См.: Рикер П. Герменевтика. Этика. Политика. М., 1995. С. 111–112.

<sup>10</sup> См.: Рикер П. История и истина. СПб., 2002. С. 316–331.

Поступила в редакцию 17.04.2003.

**Ольга Геннадьевна Шаэрова** – аспирантка кафедры философии и методологии науки. Научный руководитель – доктор философских наук, профессор, декан факультета философии и социальных наук А.И. Зеленков.

О.И. ЧЕШОКОВА

## ЭВОЛЮЦИЯ ЗАПАДНОГО ФЕМИНИЗМА XX ВЕКА: ПРОТИВОРЕЧИЕ ПРАКТИКИ И ТЕОРИИ

Исследуется эволюция современного западного феминизма, соотношения его теории и практики. Делается вывод о том, что в конце XX в. сложные концепции постфеминизма и гендерные исследования зачастую становились преградой для деятельности женских организаций Запада.

The article deals with the problems of evolution of contemporary western feminism and the correlation between the theory of feminism and its practice. Complicated concepts of postfeminism and gender studies often became an obstacle for women organizations' activities in the West at the end of the twentieth century.

Феминизм – это исторически изменяющаяся система теорий и практик, сконцентрированная на проблемах самореализации женщин, их прав и включающая два аспекта: теорию политического, экономического и социального равенства полов; практические действия по ограничению, дискриминации женщин. Сегодня принято говорить о существовании трех периодов в развитии феминизма на Западе, о трех его «волнах»: первая волна